

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. З. КОТЕЛОВА

ИСКУССТВЕННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК (теоретические предпосылки)

Лексическая семантика как объект исследования лишь начинает описываться строго и упорядоченно. Многое уже сделано в словарях, где учитывается и сложность смысловой структуры слова, и неодинаковость значений по своему типу, и связи лексического значения с другими свойствами слова, и разная степень самостоятельности лексического значения, а также предлагаются определенные способы описания этих сложных явлений. Хотя лексикографическая практика ослаблена тем, что она не сумела увязать свои решения с результатами обсуждения теоретических вопросов семантики, ей принадлежит ведущая роль в описании лексической семантики. Успехи внелексикографических ее описаний, ее систематизации и теоретического осмысления, будучи обусловлены прогрессом языкознания, логики, семиотики, философии, всегда будут зависеть и от степени освоения данных лексикографии, — и потому, что лексикография представляет результаты изучения больших материалов, и потому, что она охватывает весь словарный состав, и потому, что лексикографическое описание предполагает одновременный учет разных свойств слова. Эксперимент такого большого размаха не может быть повторен вне лексикографии.

Вместе с тем многое в словарной семантической характеристике слова нуждается в коррекции и совершенствовании. К наиболее характерным недостаткам лексикографического описания семантики слова следует отнести следующие: 1) отсутствие унификации, т. е. неоправданные различия при характеристике сходных явлений; 2) напротив, унифицирование описания на основе каких-либо «сходств» — сходства денотатов, способа семантической деривации, грамматического значения и т. д. при игнорировании индивидуальных свойств значения данного слова; 3) включение в словарь квазилингвистических объектов, т. е. описание вместо значений слов соответствующих реалий (энциклопедизм), или научных знаний (превращение объектов общего словаря в объект терминологических словарей), или идеологических воззрений (социологизм); 4) напротив, игнорирование денотативной отнесенности (например, при описании значения дается только указание внутриязыковых соотношений: синонимии или лексической деривации, что, в частности, может иметь последствием представление полисемии как моносемии), сигнификативного значения, а также таких компонентов, как представление об истинности обозначаемого (ср. значения слов и сочетаний *телепатия*, *вечный двигатель*, *ясновидящий*) или соотношенность слова с тем или иным идеологическим представлением (ср. значения слов *религия*, *капитализм*, *благородный*); 5) смешение внутриязыковых свойств: неразличение грамматической и лексической семантики, стилистических свойств и лексической семантики; 6) неполнота охвата толкованием всех семантических свойств данного значения — концептуального компонента и разных способов обозначения: неосложненно-номинативного или осложненно-номинативных — метафорического, фразеологического, терминологического, эвфемистического, экспрессивно-эмоционального, с актуальной внутренней формой или семантической про-

изводностью; 7) неполнота охвата всех дифференциальных признаков значения или приписывание значению отсутствующих у него в действительности дифференциальных признаков; 8) смещение значения слова и значения контекста; 9) смещение значения слова и употребления; 10) представление полисемии как моносемии или моносемии как полисемии; 11) построение толкования вне категориального его соответствия толкуемому слову (по таким характеристикам, как часть речи, качественное или относительное прилагательное, возвратный или страдательный залог и т. д.); 12) цепочки, «круги», тавтологии в толкованиях, не оправданные какими-либо условиями или задачами описания.

Совершенствование лексикографической характеристики лексической семантики — важная практическая и теоретическая задача. Попытки уточнения способов описания лексического значения требуют внимания, тщательного анализа и обсуждения.

Одной из таких попыток явилось создание искусственного языка для описания семантики. Идеи искусственного семантического языка выдвинуты в рамках одной из теорий структурализма, известной под названием «модель смысл — текст» и принадлежащей Ю. Д. Апресяну, А. К. Жолковскому и И. А. Мельчуку. «Разработка искусственного семантического языка... дает в руки лексикографу средство, позволяющее построить последовательное и экономное описание семантического аспекта естественных языков»¹. Говорится, что идеи искусственного семантического языка привели к лексикографическим открытиям, новому состоянию в науке, они позволяют ответить на многие вопросы языкознания (что такое лексическая система, какова природа лексического значения и т. д.). Центральной проблемой для современной семантики, как утверждают авторы названной теории, является «проблема семантического метаязыка, который в действительности является ее единственным предметом. Такой метаязык позволяет решить не только возникшие в последнее годы задачи построения действующих моделей языка, имитирующих осмысленное речевое поведение человека, но и традиционные задачи лексикографии. Поэтому эволюция от понятия семантики как науки о значении слова к понятию семантики как науки о семантических метаязыках — реальный прогресс в лингвистике»².

Рассмотрим теоретические предпосылки создания искусственного семантического языка. Теория такого языка опирается на существующее мнение, что языковеды находятся в худшем положении сравнительно с учеными других областей знания, где объект описания и средства его описания не совпадают, что в языкознании нет возможности отчуждения знания о языке от самого языка и поэтому нужна система внешних по отношению к языку понятий, чтобы описать его объективно и последовательно. Ситуация эта иллюстрируется на примере лексикографии. «В толковых словарях не проводится различия между определяемыми и определяющими словами; считается, что и те и другие принадлежат одному и тому же языку, например русскому... Поэтому в принципе и в левой (определяемой) и в правой (определяющей) части словарной статьи могут встречаться одни и те же слова. Это и является источником обычных в толковых словарях тавтологических (круговых) определений...»³. В проектируемом ими сло-

¹ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967, стр. 10.

² Ю. Д. Апресян, Эволюция понятия «лингвистическая семантика», «Основные проблемы эволюции языка. Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию», ч. I, Самарканд, 1966, стр. 38, 39.

³ Ю. Д. Апресян, Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966, стр. 260.

варе, сообщают авторы, четко сохраняется различие между «языком-объектом» и «языком-субъектом», или метаязыком, и в том случае, когда «по каким-либо причинам внешнего характера толкование значения фактически записывается словами того же языка»⁴. Это возможно благодаря одной и той же логической структуре выражений метаязыка и сводимости к неопределяемым понятиям, заимствованным из математики. Имеется ли в действительности ситуация совпадения объекта и субъекта описания в лексикографии и подсказывают ли недостатки словарей необходимость создания особого семантического языка?

Ситуация в лексикографии, как и в языкознании вообще, действительно, особая: объектом описания является язык, язык описывается через язык, в толковом словаре слева — элементы языка (заглавные слова) и справа — элементы языка (толкования, ремарки). Однако при такой интерпретации допускается большая неточность, связанная с полисемией слова *язык*. Основным средством словаря, описывающим языковые единицы и их свойства, является речь (текст), соотносящая языковые явления с информацией линейных речевых сегментов. Слева — элементы языка (языка — системы, языка — средства, языка в статике), слова словарного состава с их свойствами, справа — язык в динамике, линейные последовательности речи (или язык, но в значении «речь»), хотя и порожденные языком-системой, но не совпадающие с элементами языка по своим содержаниям.

Иное качество речи по отношению к языку обусловлено рядом причин. Во-первых, обогащается содержание самих языковых единиц на уровне словоформ и при актуализации в данном речевом отрезке. Во-вторых, сочетания словоформ порождают новые по отношению к языку-системе содержания, разнообразие которых практически бесконечно, даже в том случае, если бы эти содержания были аддитивны по отношению к составляющим. В-третьих, и это множество возрастает благодаря неаддитивности содержания соединений языковых единиц, образуемых в соответствии со сложными механизмами языка (ср., например, динамическую силу предикативности), которые обуславливают выход содержания языковых отрезков за пределы арифметических сложений. «...содержание, выражаемое в процессе речи, отнюдь не является простой суммой (содержаний. — Н. К.) тех языковых единиц, которые используются в этих целях»⁵. Содержания языка конечны, содержания речи бесконечны, границы их не замкнуты. В-четвертых, в речи реализуются также в динамике и в бесконечном разнообразии содержания ряда отражательных систем — мышления, знания и др., и поэтому она может обозначать любые реальные и мыслимые ситуации. Есть и другие причины, обуславливающие содержание богатство речевых актов по сравнению с языком-системой, — например, актуализация содержания высказываний в конкретных условиях их реализации, однако они не имеют прямого отношения к лексикографии.

В основе качественного отличия речевых содержаний, по-видимому, лежит количество (единиц языкового содержания, параметров их противопоставления, сопряженных в речевой динамике языковых и внеязыковых систем, типов реализующихся языковых отношений, членов образуемых множеств, набора таких множеств и т. д.), дающее качественный скачок.

Содержаниями речи могут вводиться в качестве средства описания лексических значений внеязыковые системы и систематизации. Здесь та же ситуация, как и в других науках, где исследователь также отождествляет

⁴ Там же, стр. 260.

⁵ В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 230.

свои объекты и их элементы не с единицами языка-системы, а с внеязыковыми реалиями, используя научные понятия и их систематизацию. Лексикограф толкует слова не путем их соотнесения с такими же словами, а, пользуясь речью, выражает каждый раз разные содержания, которые уточняются разной степенью отнесенности к денотатам и ситуациям, терминам и (научным) знаниям. Словарные единицы не могут сами по себе, без приложения механизмов языка, до перехода в речь выполнить функцию толкования. Статус описываемого слова (слева) и используемого в описании (справа) не одинаков.

Попробуем препарировать несколько данных в словаре толкований, превратив их в перечень слов, из которых они составлены: 1) *мужчина, женщина, имя, говорящий, кто-либо, он, знать, назвать, хотеть, когда, не, не, или, или, о*; 2) *место, находиться, остаться, покидать, предлагать, заставлять, продолжать, какой-либо, где-либо, не*; 3) *средство, возможность, существование, факт, средство, что, то, что-либо, что-либо, сам, свой, другой, исключать, отрицать* (БАС⁶); 4) *усилия, труд, плата, вид, состояние, образ, последствия, положение, кто-либо, что-либо, быть, дополнительный, дополнительный, такой, такой, как, или, и т. п. в, без, без, без, без* (МАС⁷). Данные в таком виде толкования нельзя отождествить с значениями слов *особа, оставлять, отрицание, так*. Приведенный пример показывает, что неопределенность языкового содержания лексического ряда оказывается выше неопределенности содержания грамматического ряда (ср. довольно однообразные варианты содержательной интерпретации шербовакской фразы *глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*), из чего можно сделать вывод, что в генерации содержаний речи участвуют все механизмы языка и эти содержания не сводятся к сумме содержаний отдельных единиц языка. Если перечислить не слова в исходной форме (как это сделано выше), а словоформы и суммировать их лексические и грамматические значения и синтаксическое значение всей конструкции, — все равно нужного содержания не получится. Только актуализация слов в приведенных толкованиях, наложение грамматических значений, актуализация предиктирования, речевая модификация соединений слов, проекции во внеязыковые сферы дадут те содержания, которые можно отождествить со значениями определенных слов словарного состава.

Таким образом, речь (репрезентированная речевыми сегментами, текстом) является средством описания лексических значений, она выполняет функции метаязыка. «Метаязыковым» же средством (т. е. способом описания не через язык-объект, способом, «отчуждающим» средство от языка-объекта) являются и принятые по соглашению приемы организации материала и оформления словарных статей: оформление заголовка, порядок следования, оформление сочетаний, значки, ремарки, символика (номера значений, знаки //, ◇, ~ и т. д.), в большей (пометы) или в меньшей (порядок следования) степени являющиеся кодовыми обозначениями речеописательных содержаний или понятий метаязыка лингвистики (метаязыком 2-го порядка), обычно инвентаризируемые в инструкциях и вводных статьях. Говоря о метаязыковых словарных средствах, следует упомянуть и возможность раскрытия значения картинкой, фотографией. Такой способ может быть использован только как вспомогательный. Он применим не ко всем словам языка, не позволяет отразить интенциональный, идеологический и другие компоненты значения, а также обозначить границы объема и содержания значения, что приводит к невозможности оценить

⁶ «Словарь современного русского литературного языка», М. — Л., 1948—1965.

⁷ «Словарь русского языка в четырех томах», М., 1957—1961.

вид сочетаемости слова. Утверждение об отсутствии метаязыка в лингвистике, в частности в лексикографии, несправедливо и потому, что лингвистика располагает значительной областью выработанных ею метаязыковых понятий и терминов.

Не всегда значения слов описываются в словаре путем речеописательного толкования. Применяются и толкования через единицы языка (языка-объекта) путем соотнесения одной языковой единицы с другой такой единицей, т. е. создается та ситуация, которая оценена выше как нежелательная. Это, например, указание на значение слова способом его синонимизации. Такой способ является или дополнительным и дается наряду с толкованием первого рода (ср. в МАС: *Голодный*. «1. Чувствующий, испытывающий голод; насытый») или, обычно при стилистических вариантах, самостоятельным (ср. там же: *Возлюбить*. «Устар. Полюбить»; *Вражий*. «1. Народно-поэт. Неприятельский»). Синонимизация является информативным способом указания на значение, так как она эксплицирует внутриязыковые связи слова и служит дифференциации значений и установлению границ варьирования употребления слова в пределах данного значения в случае полисемии. В кратких словарях синонимизация часто используется как самостоятельный способ при отсутствии других толкований, что представляется и неизбежным и оправданным. К толкованиям «через язык», т. е. способом отнесения к его единицам, относятся и антонимизация — прием только вспомогательный, и указания на грамматическую и семантическую производность. В случаях применения не вполне корректных вариантов оформления антонимии: *Горе*. «1. Душевное страдание; огорчение, печаль, скорбь (противопоставляется радости)... 2. Событие, обстоятельство, вызывающее страдание, печаль; беда, несчастье (противопоставляется счастью)» (БАС) — этот прием может быть интерпретирован как прием дифференциации значений на основании денотативной отнесенности.

Роль собственно языка, а не речи при описании слова не одинакова в словарях разного типа даже в пределах толковых словарей. Она повышается в словарях исторических, словарях языка писателя и в особенности в двуязычных словарях. Однако в них элементы описывающей языковой системы становятся метаязыковыми элементами. Требование ограничивать набор единиц, используемых в языке описания рамками описываемого инвентаря, которое выдвигается в базисных словарях, ставящих задачей компрессию словарного состава, не меняет соотношения объекта и субъекта описания и имеет в основании лишь соображения практического удобства для читателя. Необходимость употребления тех или иных слов в толковании — не главный критерий (если вообще критерий) для установления словаря-минимума.

Особым типом толкований в словарях являются толкования не через речь или язык-систему (предполагающийся известным или могущий быть уточненным с помощью справочников, информантов и т. д.), а через систему именно этого словаря, который хотя и стремится адекватно описать словарный состав и рационально использовать средства описания, однако всегда остается лишь данным словарем, другие же словари, даже ставящие те же задачи, не совпадают с ним полностью. Ср. в БАС: *Ракета*. «То же, что 2. Ракетка»; *Расположение*. «Действие по 1-му знач. глаг. 1. Расположить»; *Слышать*. «2...иметь слух (в 1-м знач.)»; *Наезживать*. «1. Многокр. к 1. Наезжать». Однако в языке пользующихся словарем нет «2. Ракетка», «слух в 1-м знач.» и т. д., дифференциация полисемии и омонимии, оценки конкретных значений могут не совпадать в различных словарях. Поэтому в более корректной форме толкования, использующие метасистему данного словаря, должны иметь такой вид: «То же что ракет-

ка (см. 2. Ракетка)», «Действие по знач. глг. расположить (см. 1. Расположить в 1-м знач.)» и т. д., и тогда статус этой системы утрачивает свою самостоятельность.

Таким образом, ситуация совпадения субъекта и объекта описания в лексикографии в действительности не имеет места, лексикограф пользуется для описания в словаре слов и их значений в основном «естественным метаязыком» — речью, с помощью которой могут быть введены как средство описания и созданные человеком систематизации ремесел, наук и т. д., а также тем же языком-системой, что и описываемый объект (при отождествлении значения слова способом указания внутриязыковых соотношений), и специфическим «метаязыком» — единицами этого же словаря.

Авторы теории семантического метаязыка критикуют семантическую характеристику слов в толковых словарях. Однако эта критика не оправдывает своего назначения — подтвердить необходимость создания такого метаязыка. Нередко словари цитируются некорректно. Принципиальное значение при этом имеют такие случаи, когда речь (субъект описания, как мы пытались показать выше), при цитировании толкований превращается в язык (язык-объект), и лексикографии приписывается ситуация совпадения языка-объекта и языка-субъекта. Утверждается, что «рядовыми определениями значений слов в толковых словарях являются определения типа *несчастье* = «беда, горе», *беда* = «несчастье», *горе* = «беда», «несчастье», в толкованиях возникает тавтологический круг, оставляющий значение «неопределенным», «необходимо, чтобы по крайней мере один из синонимов был разложен на семантические составляющие»⁸. Между тем при слове, например, *горе* в МАС и БАС даны речеописательные толкования и лишь дополнительно приведены синонимы и антонимы. Ср.: *Горе*. «1. Душевное страдание, глубокая печаль, скорбь; противоп. радость. 2. Событие, обстоятельство, вызывающее душевные страдания, скорбь; беда, несчастье». В остальных десяти примерах, призванных подтвердить, что «рядовыми» толкованиями словарей являются толкования тавтологические, материал словарей представлен также неверно: опускаются при приведенных словах толкования актуализующие слова в толковании, где-нибудь в середине цепочки автор обращается к другому значению слова, используемого в толковании, и приписывает словарю парадоксальное завершение цепочки и т. п. Нельзя при анализе толкования брать из него одно какое-либо слово и сравнивать с толкуемым словом, так как отношения целого речевого сегмента и одного из входящих в него слов к толкуемому слову не одинаковы.

Ярким примером некорректного оперирования словарным материалом, а также неразграничения «речевых» и «языковых» оценок значения может служить анализ описания в словарях цепочки слов, начинающейся словом *дать*⁹. Указывается на то, что *дать* определяется через *вручить* и далее говорится: «Поскольку *вручить* — явным образом менее простой глагол, чем *дать*, мы продолжаем наши поиски и находим: 1) *дать* = *вручить*; 2) *вручить* = *отдать* в руки; 3) *отдать* = *дать* обратно, следовательно, 4) *дать* = *дать* обратно в руки... Если бы мы пошли в выяснении значения глагола *дать* и по этому пути, мы могли бы получить следующие равенства: 1) *дать* = *вручить*; 2) *вручить* = *отдать* в руки; 3) *отдать* = *возвратить*; 4) *возвратить* = *вернуть*; 5) *вернуть* = *отдать* обратно; 6) *отдать* = *дать* обратно; следовательно, 7) *дать* = *возвратить* в руки = *вернуть* в руки = *отдать* обратно в руки = *дать* обратно в руки; итак, *дать* =

⁸ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики, ИАН ОЛЯ, 1969, 1, стр. 13.

⁹ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование..., стр. 10; его же, Толкование лексических значений..., стр. 13.

= дать обратно обратно в руки»¹⁰. Все упомянутые глаголы многозначны, однако ни одно значение не названо конкретно, ни одно толкование словарей не приведено полностью, из них выхвачены отдельные слова, чтобы сделать толкования нелепыми. В середине цепочки (звено 3) автор переходит от глаголов *вручать*, *отдавать*, близких по значению толкуемому глаголу *давать* (ср. *Я вынул визитную карточку, написал, что зайду завтра, и отдал кухарке, где отдать* = «дать»), к глаголам *возвратить*, *вернуть*, взяв произвольно другие значения *отдать* — в первой цепочке «дать обратно» и во второй = «возвратить» (ср. цитату: [Астров:] *Ты отдай то, что взял у меня*), хотя текстом толкования к глаголу *вручить* нужное значение *отдать* актуализуется. Нужно это для того, чтобы утверждать, что словари, не вооруженные метаязыком, вынуждены определять *дать* как «дать обратно, обратно в руки», т. е. в лексикографии находятся такие же парадоксальные ситуации, как в логике, где предлагается снять логические парадоксы введением метаязыка. Делается вывод о том, что только использование понятий «каузации» и «нормы» «позволяет естественно и красиво истолковать значения большого круга слов, которые представляют для авторов обычных словарей почти непреодолимые трудности. В частности, оказывается, что *дать*... значит „каузировать кого-то иметь“»¹¹. Трудно согласиться с тем, что методами современной семантики слово *дать* определено лучше, чем в словарях, хотя бы потому, что такое толкование годится еще для десятка значений этого же глагола (*дать адрес, дать орден, дать возможность, дать нагрузку* и др.) и для сотни других глаголов (*выдать, представить, снабдить, обеспечить, ссудить, преподнести, подарить, наградить* и др.). Понимание предложенного толкования затрудняет также использование неопределяемого «элементарного» значения *каузировать* и полисемантического и не актуализованного *иметь*.

Утверждение, что «господствующим типом определения наиболее интересной для лингвиста абстрактной лексики остается ссылка на синоним, неизменно приводящая к тавтологическому кругу»¹², не соответствует действительности. В БАС и МАС это вспомогательный и оправдывающий себя способ толкований. В Сл. Ож. названные слова в ряде значений синонимизируются, что в кратком словаре представляется оправданным. Если даже с этим не согласиться, то речь может идти о совершенствовании толкований в пределах существующей системы описания, например, в цепочке *дать* — *вручить* — *отдать* можно было бы ярче актуализовать нужное значение полисемантического *отдать* (= «дать») в толковании, в Сл. Ож. следовало бы поместить это значение *отдать* с толкованием, так как оно отсутствует в нем, но используется для толкования другого слова, и т. д. Необходимости обращения к искусственному языку не возникает.

Часто неверно интерпретируются языковые явления, и указанные ошибки в действительности не имеют места. Указывается, например, на обычность в словарях недостаточных определений. Это утверждение иллюстрируется примером толкований глаголов *слышать* — *слушать*, *смотреть* — *видеть*, *нюхать* — *обонять*. «*Слышать* — „различать, воспринимать что-н. слухом“, *слушать* — „воспринимать слухом что-н.“». Толкования наводят на мысль, что речь идет о точных синонимах. Между тем эти глаголы обнаруживают семантические противопоставления по признаку «„способность воспринимать что-либо“ (*слышать*) — „активное и направленное использование этой способности“ (*слушать*)». Ошибки «можно

¹⁰ Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование..., стр. 10.

¹¹ Там же, стр. 11.

¹² Там же, стр. 191.

было бы избежать, — продолжает автор, — если бы при толковании данного слова лексикограф учитывал весь круг семантически связанных с ним слов или хотя бы результаты собственного анализа других слов этого круга»¹³. Ссылки на конкретные словари при приведенных толкованиях нет. Приведем действительно имеющиеся в них толкования: *Слышать*. «несов., перех. 1. также с придаточным дополнительным и без доп. Различать, воспринимать слухом (издаваемые, производимые кем-, чем-л. звуки)» (МАС); «1.перех. Воспринимать слухом какие-н. звуки» (БАС); «1. кого-что. Различать, воспринимать что-н. слухом» (Сл. Ож.); «1. (сов. услышать) кого-что. Воспринимать слухом (производимые кем-н. звуки)» (Сл. Уш.). *Слушать*. «несов., перех. 1. также с придаточным дополнительным и без доп. Направлять слух на производимые кем-, чем-л. звуки; стараться воспринять что-л. слухом» (МАС); «1.... Обращать, направлять слух на какие-л. звуки, чтобы услышать» (БАС); «1. кого-что. Воспринимать слухом что-н.» (Сл. Ож.); «1. кого-что. Воспринимать слухом что-н., направлять слух на производимые кем-чем-н. звуки, чтобы услышать» (Сл. Уш.). Как видим, в словарях отражено довольно тонкое противопоставление исходных значений глаголов *слушать* и *слышать* по направленности, активности — ненаправленности, неактивности действия. Значение же «способность» отмечено в словарях у глагола *слышать* особым номером («2. без доп. Обладать слухом»). В сформулированном Ю. Д. Апресяном противопоставлении «способность воспринимать что-либо» (*слышать*) — «активное и направленное использование этой способности» (*слушать*) оказываются соединенными два противопоставления, причем первый член (способность) относится в действительности к одному противопоставлению (*слепые кошки не слышат* = «глухи» — *слышать* крик), второй — к другому (*слышит* крик — *слушаю* сигналы). Второе противопоставление реализовано в значениях двух разных слов: ненаправленное действие (*слышать*) — направленное, активное действие (*слушать*), первое — в значениях одного слова: способность воспринимать слухом (не исходное, с которым оперирует Ю. Д. Апресян, а вторичное значение глагола *слышать*, отсутствующее у *услышать*) — реализация ее как ненаправленного действия (но не как способности: *он слышит смех*). Те же два (а не одно) противопоставления отличают и глаголы в парах *смотреть* — *видеть* и (в меньшей степени) *нюхать* — *обонять*. См. также неубедительную критику данных в словарях толкований к словам *вынимать*, *доставать*, *показываться*, *появляться*¹⁴, *из-за*¹⁵, *холостяк*¹⁶ и мн. др.

Есть в работах и справедливая критика отдельных толкований, однако их недостатки могут быть устранены без привлечения искусственного языка. Отчасти справедливо указывается, например, на то, что «тавтологический круг возникает... в тех случаях, когда определение не содержит синонима к определяемому»¹⁷, т. е. когда в толковании к слову *звук* находим слово *слух*, а в толковании к слову *слух* — слово *звук*, или *лемех* ↔ *плуг*, *комната* ↔ *квартира*, *голова* ↔ *лицо*, *плечо* ↔ *рука*, *гореть* ↔ *огонь*, *глаз* ↔ *зрение* и т. д. Отчасти — потому, что взаимно используемые слова уместны, они информативны, они указывают на семантические отношения, помогают дифференциации значений при полисемии: например, слово *комната* используется в толковании только одного из четырех зна-

¹³ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений..., стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 18.

¹⁵ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, «Р. яз. в нац. шк.», 1972, 2, стр. 7.

¹⁶ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, II, «Р. яз. в нац. шк.», 1972, 3, стр. 25, 26.

¹⁷ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений, стр. 13.

чений *квартира*, а слово *квартира* — при одном из трех значений слова *комната* (МАС). Справедливо — потому, что в более корректной форме толкования должны иметь такой вид: *Квартира*. 1. «Часть жилого дома, состоящая обычно из нескольких {о т г о р о ж е н н ы х с т е н а м и, п е р е г о р о д к а м и п о м е щ е н и й} (комнат, кухни, передней и т. п.) с отдельным выходом» (выделено то, что добавлено нами к толкованию в МАС).

Вполне устраним также в рамках традиционного описания справедливого отмеченный недостаток рассматриваемого аспекта словарей — отсутствие унификации, непоследовательность.

Таким образом, ни теоретические рассуждения авторов идей о метаязыке, ни призванная подтвердить эти рассуждения критика толковых словарей не доказывают наличия в лексикографии такой неблагоприятной ситуации, которая может быть разрешена только введением в описание искусственного семантического метаязыка.

Не вдохновляют на создание искусственного семантического языка и общефилософские концепции метаязыка, согласно которым последний понимается как искусственно созданная система описания. Идеи метаязыка возникли в логике и математике и обусловлены необходимостью снятия логических парадоксов, возникающих при самореференции (например, утверждения *высказывание, которое я говорю, ложно; критянин Эпименид говорит, что все критяне — лжецы* являются одновременно и истинными, и ложными). Метаязык позволяет разграничивать нулевой «уровень» (сами предметы), 1-й уровень (объектный язык, на котором описываются предметы), n -й уровень (метаязык для описания объектного и $n - 1$ -го языка); при этом самовысказывания оцениваются как бессмысленные или запрещаются, субъект высказывания и высказывание оказываются на разных языковых уровнях, в метаязык вводятся термины и правила. Обращают на себя внимание такие свойства метаязыков, как их регресс в бесконечность, имеющий следствием бесконечность поисков абсолютной однозначности и убывание содержательности метаязыков с возрастанием их порядкового номера, узость задач, решаемых метаязыком, и небезусловность их решения именно таким способом (без учета теории истинности и общей теории отражения), созданность метаязыка как средства, т. е. отсутствие у него статуса теории, в то время как в основе наиболее эффективно применяющихся познавательных систем лежат теории, используемые как прикладные логики, и др. Создание даже самого совершенного метаязыка не обеспечит само по себе формализации описания, так как описание объекта осуществляется на уровне речи — реализации метаязыка, содержания которого не выводятся однозначно из содержаний и правил метаязыка и неизбежно включают компонент, зависящий от субъекта описания. Положение здесь окажется подобным положению с уровнем речи естественного языка.

Естественный язык, для описания которого также, как утверждают философы, нужен метаязык, так как в нем «выражения и предложения об объектах имеют такой же статус, как и предложения о языке, о языковых выражениях»¹⁸, должен, однако, рассматриваться особо в связи с его уникальными свойствами. Имеется в виду уникальность языка в отношении уровней семантической стратификации, универсальности его использования, — язык в разных своих отношениях и формах функционирования и нулевой уровень (объект описания), и 1-й (объектный язык для языка и других объектов), и n -й (компонент всех метаязыков). Язык уникален в отношении неповторимого богатства своего содержания, много-

¹⁸ В. А. Ш т о ф ф, Введение в методологию научного познания, Л., 1972, стр. 45.

мерности своих единиц, расчлененности и пересечения значений и форм, он уникален по своей рациональности, степени организованности, позволяющей не только удерживать это богатство, сохраняя его, как в огромной кладовой, но и использовать его на практике. Уникальность языка и в неповторимости пройденного им исторического пути, обусловившего его качества и поставившего его как знаковую систему вне конкуренции с какими бы то ни было другими системами, в отработанности его содержаний и организации практикой деятельности и познания и общественной практикой использования языка. Критика недостатков естественного языка часто объясняется оценками его не в собственной функции (ср. применение к языку терминов «истинность», «бессмысленность» и т. д.) или относится фактически к примерам некорректного его использования.

Таким образом, язык — это такой объект, который не может охватить ни одна искусственно созданная система. Искусственный же язык считается адекватным, «если получаемые в нем предложения могут описать все существующие ситуации в области объектов, информацию о которых выражает, хранит и передает данный язык»¹⁹. Можно говорить лишь об использовании отдельных искусственных метаязыковых компонентов, помогающих описывать отдельные участки языковой системы. Высокий уровень содержательности языка давно обращает на себя внимание, ср. гипотезу Сэпира — Уорфа, согласно которой люди находятся в плену у своего языка, навязываемых им расчленений действительности, или логический позитивизм и лингвистическую философию, которые утверждают, что прогресс научного познания выводится однозначно из совершенства логического языка или точности естественного языка. Когда критикуют эти концепции, то указывают на развитие языка, на то, что отдельные элементы языка не могут отобразить бесконечно разнообразный мир, а «вся система» может, сглаживая различия разных языков указанием на наличие инвариантных межъязыковых содержаний как результат «принципа дополнительности» и т. д. Однако оперируя только фактами системы, нельзя предъявить сильных аргументов против теории лингвистической относительности, так как число содержаний единиц такой системы, пусть и с диахроническими приращениями, конечно. Если бы человек располагал в своей интеллектуальной деятельности только содержаниями языковой системы (т. е. словарей и грамматик), то, действительно, трудно было бы возразить что-нибудь авторам теории лингвистической относительности. Кстати, справедливо критикуя эту теорию в целом, не учитывают ее рациональное зерно (признание высокой содержательности и рациональности языка, возможность разных расчленений действительности в разных языках и небезразличность этих различий для мышления), что мешает уточнению представлений о соотношении языка и мышления. Сильный аргумент против теории лингвистической относительности можно предъявить, указав на такой феномен речевой же деятельности, как речь²⁰. Бесконечно разнообразные содержания речи не сводятся, как было показано, к содержаниям ее единиц и к суммам таких содержаний, и если в языке элементы и структуры служат для выражения элементов и структуры мышления (в статике), то речевые сегменты, являясь знаковой формой мышления — процесса, служат для выражения мыслительных актов, мышления в динамике, способного охватить как угодно разнообразные и не тривиальные знания, гипотезы, мифы человека и отождествить мыслимые предметы с

¹⁹ А. И. Р а к и т о в, Соотношение точности и адекватности в формализованных языках, сб. «Логика и методология науки», М., 1967, стр. 107—108.

²⁰ Такой же аргумент приводится в кн.: В. З. П а н ф и л о в, Взаимоотношение языка и мышления, стр. 230—231.

другими предметами действительности, а не только со своими или языковыми содержаниями.

Мощность речетворчества позволяет не тавтологично, не замкнуто описать и такой объект, как язык. Эффективность применения метаязыковых элементов находится в зависимости от корректности описания в целом, так как описание «чистыми» метаязыковыми элементами, без включения в речевые последовательности возможно в минимальных границах. Ограниченность, «плен» языка снимается речью так же, как и самая высокая точность самой совершенной формализации может быть снята некорректностью речевых последовательностей или выражаемых этими последовательностями мыслей.

Заранее обрекает на неудачу идею создания искусственного семантического языка посылка о примате инструмента описания над объектом описания. Независимость описания и его инструмента от природы объекта неоднократно подчеркивается авторами рассматриваемой теории. «Независимо от степени расхождений в определении задач семантической теории существует довольно большая область согласия относительно того, каковы должны быть ее инструменты»²¹. Между тем инструмент, способ описания должен строиться в соответствии с особенностями объекта, так же как и любой метод, способ познания должен строиться в соответствии со специфическими характеристиками самого объекта. Во всяком случае степень совершенства метода оценивается степенью его близости, соответствия объекту. Способ толкования должен согласовываться с оценкой сущности значения, его структуры и систематизацией его типов. Решению вопросов описания лексической семантики должно предшествовать построение теории лексического значения, а «теория значения может и должна быть построена на основе марксистской теории познания, теории отражения и марксистского учения о единстве мышления и языка»²².

Вопрос о лексическом значении рассматривается в рамках данной теории как производный от вопросов о способах описания. В цитированной работе, названной «Современная лексическая семантика», сформулированы четыре требования к толкованиям: использовать элементарные значения или более сложные, применяя алгоритм перевода; толкования должны быть полными и неизбыточными; строить толкования без полисемии и омонимии имен; толковать не отдельные слова, а фразы. В нашу задачу не входит рассмотрение этих требований, так как мы выясняем только предпосылки создания метаязыка, но не обсуждаем его строения и применения. Здесь для нас важно утверждение автора, что эти требования вносят коррективы в представления о самом лексическом значении. Эти коррективы перечисляются²³. Рассмотрим их.

Определенные слои лексики, указывает автор, характеризуются наличием в значении «модальных рамок», в частности положения наблюдателя. Так, при толковании предлога *из-за* (*мальчик вышел из-за ширмы*) нужно указать в словаре, что «воспринимающее лицо само не находится за ширмой и наблюдает не исчезновение, а появление мальчика. Следовательно, толкование предлога *из-за* должно включать в себя прямое указание на положение наблюдателя (воспринимающего) относительно движущегося предмета и преграды»²⁴. Прежде всего отметим, что неверно проанализирован пример. Вполне возможен и такой текст: *Весь вечер мальчик просидел с нами в небольшом углу комнаты за высокой ширмой. Один только раз он сделал попытку выйти из-за ширмы.*

²¹ Ю. Д. Апресян, Толкование лексических значений..., стр. 11.

²² В. А. Штофф, Введение в методологию научного познания, стр. 33.

²³ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, стр. 7—11.

²⁴ Там же, стр. 7.

Дело здесь не в наблюдателе, а в относительности содержания значений определенного разряда слов (*другой, тот, передний, задний, прошлый* и под.), обозначающих не постоянно определенные, не закрепленные свойства предметов и явлений, а свойства непостоянные, по-разному актуализующиеся в зависимости от изменения точки отсчета (*другая рука* — это может быть и правая, и левая рука). Положение наблюдателя — частный случай определенной точки отсчета, но оно может и не совпадать с ней, как в приведенном нами тексте. Значение предлога *из-за* относительно²⁵, так как включает значение относительного предлога *за* (*за границей* — это может быть и по ту, и по другую сторону границы, в зависимости от точки отсчета). Компонентом *из-за* является и значение *из*, у которого отсутствуют не «модальные рамки», как утверждает автор, а относительность, свойственная значению предлога *за*. У значения предлога *из* отсутствует относительность, оно абсолютизируется благодаря постоянству свойств, обозначаемых предложными сочетаниями: «вместилище» (*из ведра*), «внутренние пределы» (*из комнаты*), «исходный пункт движения» (*из Киева*) и т. д. В некоторой степени для предлога *за*, в большей степени — *из-за* также отмечается снятие относительности благодаря противопоставлениям «большие — меньшие размеры, значимость», «часть и целое», «отделение чего-либо», т. е. в связи с неравноценностью того, что по ту и другую сторону ширмы (*из-за ширмы, из-за двери*), что маркировано, например, вторым, переносным значением слова *ширма* «прикрытие». Но главное не в оценке отдельного примера и не в интерпретации относительности и модальности. Почему и каким именно образом это «уточнение» вытекает из операционных требований к толкованиям? Это и остается не разъясненным.

Второе уточнение сформулировано как открытие «второго слоя семантики слова» — семантических ассоциаций. Это значение слова, на основании которого оно регулярно метафоризируется, включается в сравнение, участвует в словообразовании и т. д. Ассоциации как семантическое явление известны не одно столетие. Не ясно, почему это «новшество», открытие. А главное, опять не разъясняется, какое именно из четырех требований к толкованию имеет следствием уточнение, касающееся ассоциативных связей значения, почему это уточнение вообще производно по отношению к инструменту анализа.

Третье «новшество» в понимании лексического значения — решение вопроса об отличии значения от логического понятия. В лексических значениях — пишет автор, — представлены наивные понятия, что подтверждается лексическими различиями разных языков, различиями научных и повседневных понятий, лексикограф не должен превращаться в энциклопедиста, его задача — вскрыть наивную картину мира и отразить в лексических значениях и толкованиях²⁶.

С таким решением вопроса о соотношении слова и понятия нельзя согласиться. Во-первых, полисемия самого слова *понятие* обусловила то, что автор пишет о соотношении логического понятия и значения слова, а имеет в виду научные понятия. Все слова (за очень небольшими исключениями) соотносятся с логическими понятиями, так как язык — это средство выражения обобщенного мышления, каждое слово обобщает, хотя не все логические понятия лексикализуются в отдельных словах и их значениях. Научные же понятия относятся к сфере знания (для нас это дру-

²⁵ Эта относительность передана в словарях включением в толкование относительных же слов: «с обратной, противоположной стороны чего-либо» (БАС), «употребляется при обозначении предмета, лица и т. п., с противоположной или обратной (задней) стороны которых направлено движение, действие» (МАС).

²⁶ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, стр. 8.

гой, высший отражательный уровень по отношению к мышлению), с ними соотносятся лишь термины.

Во-вторых, различия лексических значений слов в языках свидетельствуют не о наивности восприятия мира, а о возможных различиях в членении действительности мышлением и — в большей степени — о разных способах и формах отображения такого членения в системе языка.

Термины не имеют преимуществ в этом смысле. Они могут и различаться значениями в разных языках, и соотноситься с понятиями, неодинаково расчленяющими действительность. Приведем поучительный пример разного расчленения действительности в терминах даже одного языка с одинаковыми (они могут и не быть одинаковыми) результатами на уровне знания. Считается, что вторая половина XX в. обогатила философию понятием «система». Однако оценить ситуацию как естественный прогресс в науке очень мешает то обстоятельство, что практические образцы анализа сложных объектов как систем дали еще задолго до возникновения спора между биологами, кибернетиками, лингвистами о приоритете в использовании этого понятия классики марксизма-ленинизма в политэкономии, социологии, политике, и образцы эти оказались непревзойденными и по сей день. Лингвистический анализ применяемых терминов показал, что и в теории классики марксизма описали (и при этом более содержательно) то, что сегодня называется системой и структурой, только пользовались при этом другими терминами, иначе расчленяющими действительность, а именно терминами *связь, целостность, часть, конкретно-историческое, конкретный*. Первые три термина не нуждаются в комментариях. *Конкретно-историческое* — более глубокий и точный аналог понятия *значимость (функция, позиция)* в синхронии, «син» и «хронос» представлены в нем в более явном виде. Современные исследователи, пользуясь терминами *система, синхрония*, теоретически и в практическом анализе обычно имеют в виду панхронию, ахронию, но не синхронию, не ограничивая материал во времени и пространстве, что исключает выявление именно системных свойств. Термин *конкретный* имеется в виду в значении «всесторонне, в связях и опосредованиях определенный», восхождение в познании от абстрактного к конкретному трактуется в сущности еще у Гегеля как восхождение к познанию системы. Таким образом, парадоксальная ситуация разрешается возможностью описания действительности в разных языковых расчленениях, семантическое поле «система, структура» (и фрагмент действительности и его осмысление) покрывается семантическим полем терминов «часть, целое, связь, конкретный, конкретно-исторический».

Обиходные значения языка — не «наивные». Язык является сокровищницей познанного человеком, отработанного тысячелетней практикой деятельности человека и практикой общения. «Наивная» организация лексической семантики не смогла бы обеспечить языку ни того, что он хранит в расчлененном виде одновременно миллионы «смыслов» (в словарной картотеке более 500 000 слов × полисемия × грамматические значения в разных комбинациях + слова и значения специальных языков), ни тем более того, что он с легкостью используется практически. Благодаря тому, что язык хранит в высоко рациональной форме добытые человечеством знания о мире и отображает способы суждений о действительности, обращение к его содержаниям и организации может быть эффективно использовано для оформления, систематизации имеющегося и получаемого в науке знания, для получения нового (гипотетического) знания о том или ином фрагменте действительности и предсказания содержания знаний, которые будут получены в будущем, а также для совершенствования самого аппарата познания. Чисто языковые черты слова (морфологическая при-

надлежность и структура, семантический тип, внутренняя форма, место в системе, позиция в частных группировках, парадигматические и синтагматические свойства) значимы в метаязыках науки и могут являться источником уточнения знаний. Известно, что ученые многое берут из естественного языка для своих классификаций и описаний.

Обиходные значения в свою очередь отражают рост научных знаний, вбирают достижения знания. На настоящем уровне развития науки почти любое новое наименование проецируется на клетку данной, отработанной знанием системы. Уточнение научных понятий может привести и к образованию нового «обиходного» значения, и к изменению его объема и содержания. Другое дело, когда специальные понятия не становятся общим достоянием, а остаются в словарях и словниках специальных отраслей знания, но тогда это только вопрос объема инвентаря слов и значений в словаре, а не противопоставление значения и понятия.

Рассматриваемое понимание соотношения лексического значения и понятия обусловлено нечеткими представлениями о соотношении языка и мышления, языка и действительности, мышления и действительности. «...далеко не все имеющиеся в языке слова интересны для лингвиста (? — Н. К.). Оставаясь в рамках своей науки, лингвист не может точно описать различие между *нейтрино* и *нейтроном*; понятия, необходимые для точного истолкования значений этих терминов, вырабатываются не лингвистом, а физиком, и строгое их определение возможно только на языке физики, но не на языке лингвистики. С этой точки зрения каждый толковый и двуязычный словарь является по существу смешанным: он энциклопедичен ровно в той мере, в какой содержит толкования слов, для определения которых лингвист не располагает необходимыми понятиями»²⁷. В словаре, применяющем такую теорию, «истолкование получают далеко не все входящие в него слова. Без определений остается вся конкретная и терминологическая лексика, в особенности слова, обозначающие конкретные предметы, ср. *стол*, *иволга*, *собака*, *метла*, *дерево*, *кастрюля* и т. п.»²⁸. Эти взгляды формулируются и развиваются и в других работах. Однако и конкретная лексика, и термины, конечно, входят в систему языка, и соответствующие им лексические значения — равноправные элементы всего инвентаря языковых значений, охватывающих весь реальный мир, иначе язык не смог бы выполнять свои функции. Описание этих слов не делает толковый словарь энциклопедическим. В энциклопедиях описываются не научные понятия, как утверждается в рассматриваемой теории, а реалии (которые обозначаются в них отдельными словами, собственными и нарицательными, сочетаниями, описательно и т. д.). В филологических словарях описываются слова. Такое различие объекта описания не снимается, а лишь подчеркивается многочисленными примерами смещения задач: включением в филологические словари чужеродных объектов и наличием в энциклопедиях нерелевантной для энциклопедического описания информации, а также наличием словарей-кентавров, в которых в какой-то мере оправданно (ср. энциклопедический словарь) или совсем не оправданно (ср. словарь иностранных слов) дается и филологическая, и энциклопедическая информация. Проблема энциклопедического описания — не лингвистическая и не семантическая проблема, а проблема знания, прежде всего научного знания, однако наука здесь имеет отношение к субъекту, а не к объекту описания.

Особый жанр представляют собой терминологические словари, сходные

²⁷ Ю. Д. Апресян, Идеи и методы..., стр. 257.

²⁸ Там же.

с филологическими (и отличные от энциклопедий) по принадлежности их объектов к знаковой системе и отличающиеся от них арельным захватом объектов, направленностью на описание понятийного компонента значения термина, степенью ориентации на научные знания в субъекте описания.

В общем толковом словаре слово-термин должно описываться только как слово, элемент языковой системы. Ничто языковое не чуждо терминам. Им свойственна антонимия, синонимия, полисемия. Забвение, например, полисемии термина часто приводит к драматическим ситуациям в науке, ср. противоречивость утверждений в научных работах и учебных пособиях об идеальности или материальности сознания, проистекающую из неконтролируемого употребления термина *сознание* в разных (4—5) значениях. Языковые свойства лексических значений присущи конкретной и терминологической лексике, как и абстрактной и нетерминологической. В конкретной лексике так же, как и в абстрактной, может отражаться разное расчленение действительности (ср. известный пример разных словесных обозначений в разных языках руки и ее частей, разные обозначения снега и т. д.). Наличие языковых значимостей Соссюр по-изывал на примерах конкретной лексики (*буженина*, *баран*, *баранина* к под.). Если в словарь не войдет или не будет в нем семантически описана конкретная лексика, то будет трудно или даже невозможно описать и абстрактную.

Специфика смысловой характеристики термина в общем толковом словаре выражается в необходимости учета научных знаний при характеристике понятийного компонента значения, строгой фиксированности его объема, учета возможной конвенциональности содержания и обязательной принятости употребления, в необходимости избрать при вариантности распространенное и авторитетное понимание термина. Большую трудность при этом представляет собой установление релевантности формулируемых наукой дифференциальных признаков, т. е. объема научной информации при определении термина (для выполнения требования полноты определения при соблюдении других требований). Как гипотетический выход из положения можно предложить устанавливать возможность включения тех или иных компонентов научного знания в определение термина аналогично принципам включения в общий словарь самих терминов и их значений.

Остается непонятным, почему онтологический вопрос о природе лексического значения решается после вопроса о толкованиях и утверждает-ся, что он решен на основе операциональных требований к ним. Получается, что если избранный инструмент не может охватить каких-то элементов объекта, то этих элементов нет в самом объекте.

Наконец, четвертое уточнение в понимании лексического значения, рожденное названными требованиями к толкованиям, заключается в том, что способы описания позволяют описывать значения то как значения, то как сочетаемость. «а) Некая семантическая особенность слова может быть истолкована только как особенность его значения.., б) некая семантическая особенность слова может быть описана только как особенность его сочетаемости.., в) некая семантическая особенность слова может быть интерпретирована либо как особенность его значения, либо как особенность его семантической сочетаемости»²⁹. Но каковы преимущества у теории, согласно которой некоторое свойство (значение) можно оценивать и так, и иначе, как что-то другое (сочетаемость)?

²⁹ Ю. Д. Апресян, Современная лексическая семантика, I, стр. 9—10.

Провозглашение независимости построения метода от особенностей объекта, его природы, от решения онтологических вопросов обусловило не только слабость метода, но и несостоятельность понимания объекта — лексического значения. В работах о семантическом языке оно эклектично и противоречиво. Лексическое значение понимается то как набор семантических компонентов, то как внеязыковая ситуация, то как «смысл», проецирующийся на уровень мышления или представляющий собой инвариант внутриязыковых преобразований, то как функция контекста или функция ситуации, то как явление, целиком зависящее от инструмента анализа и потому имеющее лишь относительные характеристики.

Таким образом, задача создания искусственного языка, описывающего лексическую семантику, представляется некорректно поставленной и утопической. При описании естественного языка искусственно созданные элементы метаязыкового характера могут быть использованы и используются лишь фрагментарно и в качестве вспомогательного аппарата, являющегося, однако, результатом определенной познавательной работы, прежде всего изучения природы и типов лексического значения.